

Мышление ученого вчера и сегодня / Под ред. Л.А.Марковой. Колл. моногр. М.: Альфа-М, 2012. – 350 с.

Монографию, которая посвящена изменениям базовых оснований философии, происшедшим в результате научной революции начала XX в., писали 8 человек: Л.А.Маркова, Ю.С.Моркина, Н.С.Смирнова, А.Н.Павленко, Н.А.Касавина, А.С.Игнатенко, А.Ю.Антоновский и А.З.Черняк. Монография вышла в серии «Библиотека журнала “Эпистемология & философия науки”». Во Введении Л.А.Маркова со ссылкой на исследования И.Пригожина и И.Стенгерс пишет, что результатом классической науки, ведшей «безусловно успешный диалог науки и человека “явилось открытие безмолвного мира”», под которым понималась пассивная природа, действующая как запрограммированный автомат. В таком мире человеку нет места (с.8). Однако сами ученые, физики прежде всего, поставили под сомнение многие классические понятия (например, понятие объективного мира), формально-логические установки мышления, делая акцент на «дополнительность» логики имманентного развития классической теории парадоксальной логикой их построения и изобретения, соответственно на изобретателя. Л.А.Маркова опирается на уже сложившиеся схемы науки: классическое научное мышление, опирающееся на механику И.Ньютона, неклассическое, находящее опору в квантовой механике и постнеклассическое – в науке о хаосе. При этом на передний край в изучении научного мышления выдвигается социология, а философы науки *вынуждены* включать в свои концепции социальные моменты (с.13).

Уже здесь, правда, очевидна проблема того, как ныне понимается философия. Считавшаяся стоящей вне ряда других знаний в начале своего возникновения, являясь основанием для них, поскольку была связана с всеобщим, свободно стремящаяся к мудрости, она вдруг оказалась зависимой от отпочковавшихся от нее дисциплин. Эти философские нелады должны быть неким образом проблематизированы. Переключение внимания на субъектный полюс все же должно рассматриваться с позиции этой всеобщности, если она вообще продолжает иметь место. Л.А.Маркова пишет, что «процесс получения нового знания в классике из старого логическими средствами вызывает критику: если это новое уже содержалось в прошлом знании, то какое же оно новое?» (с.18). В неклассике новое зарождается в процессе самодетерминации, логика из нелогики. Эта мысль не прояснена. Ссылки на Ж.Делёза, который писал, что нонсенс противоположен не смыслу, а отсутствию смысла, или на М.К.Мамардашвили, писавшего, что нелогика противоположна не логике, а отсутствию логики, нуждаются не в такого рода констатациях, которые иногда кажутся барочными завитками на фоне старых рассуждений. Что дает для понимания философии, например, рассуждение, что оно рождается «из префилософского плана имманенции»? Ровно, на мой взгляд, ничего. Гораздо удивительнее то, что мир попрежнему переживается как чудо. И непосредственная данность *смысла* мира уже изначально заключена в нас, того смысла, который Фома Аквинский, а потом – много позже – Витгенштейн считает сверхъестественным, мистическим и абсолютным. Этот опыт можно назвать религиозным, но в исконном смысле слова *religio*, как очевидной и всегда заново являющейся связи, дающей понять мир как чудо. В этом нет никакой схоластики, а есть одно только «есть» и все тут. С таким пониманием мира и связан лингвистический поворот, описывающий мир, поскольку нет другой возможности его описать и остановиться на описанном. Остальное – правила для выражения этого представления.

Когда Л.А.Маркова приводит разнообразные, вводящиеся для осмысления этого мира понятия, исходящие от Н.Лумана ли, Р.Пенроуза и др., речь идет лишь о таких правилах постижения.

Книга состоит из четырех частей. Сами их названия свидетельствуют о том, что перед нами четко выстроенная логическая схема, во многом основывающаяся на философии диалога культур В.С.Библера. Первая часть «Поворот к субъекту в философии и социологии науки» написана Л.А.Марковой (три главы) и Ю.С.Моркиной (две главы). Вторая часть называется «Общение вместо обобщения в философии», ее авторами являются Н.М.Смирнова, А.Н.Павленко, Н.А.Касавина и А.С.Игнатенко, третья часть «Неклассика в научном теоретизировании» принадлежит перу А.Н.Павленко, А.Ю.Антоновского, Ю.С.Моркиной и Л.А.Марковой. А.З.Черняк написал полностью четвертую часть «Смысл и контекст в постаналитической философии».

Л.А.Маркова пытается ответить на вопросы, возникающие в связи с тем, что при смене контекстов исследования один и тот же объект исследования утрачивает свойство объективности, открывая путь релятивистским суждениям и подчас снимая понятие истины. На место этого понятия встает понятие смысла, рассматриваемого как критерий научности. Именно «наличие смысла» в неклассической науке «предоставляет право на интересубъектное общение с другими обладающими смыслом теориями на равных» (с.47).

Интересно во всем пока сказанном другое. Открытие безмолвного мира произошло в XX в. не только в естественной науке, где оно исключило человека из мира, но и в гуманитарном знании (см. «Культура безмолвствующего большинства» А.Я.Гуревича), которое заставило «разговориться» безмолвие и включило его в субъектно-речевые отношения. Более того, и открытие идеи смысла принадлежит эпохе, «многие научные идеи», с точки зрения «современности, безусловно, ложны» (с. 47), притом философы давали ему определения. Так, для Петра Абеляра смысл выражался именно через речевые парадоксы, а Фома Аквинский под *общностью смысла* (*communitas rationis*) понимал нечто сдвигающееся, *неуловимое неделимое* (*individuum vagum*) (*Thomas Aquinas. Summa theologiae. Pars I. Quaestio 30. Articulum 4. Respondeo.*). Объяснение весьма внятное: смысл действительно бродит, или мы бродим вокруг него, сдвигаем его. И выражен смысл через персону, которая вместе и лицо, и речь этого лица. То есть средневековую науку (знание), вероятно, можно назвать ложным, но не мысль, которая оказывается весьма близкой современности. Если же посмотреть на то, как определял смысл кардинал Николай Кузанский, то там и вовсе под смыслом понимается некое «ощущение», которое, разумеется, охватывает и разум, но прежде всего, является тем «жизненным», или «мыслительным полем», «полем референции», планом имманенции, поскольку речь идет о Боге, который уж точно для себя не экстравертен. Поэтому, на мой взгляд, речь должна идти не об определениях классики, неклассики или постнеклассики, что есть только планы хронологии и наши названия этих планов, а об осмыслении статуса современной философии и ее общем начале со старыми статусами, действительно различающимися планами познавательных возможностей.

Л.А.Маркова точно понимает это направление движения. Она говорит о векторе движения мысли не к обобщению, а к «общению, которое предполагает наличие (и сохранение в ходе общения) индивидуальных, особенных черт у общающихся» (с.76).

Ю.С.Моркина, анализируя теорию Б.Латура – и это весьма симптоматично в связи с мыслями предыдущих глав, - рассматривает основные ее понятия:

сеть, которое «более гибкое, чем понятие “система”, более историческое, чем понятие “структура”, более эмпирическое, чем понятие “сложность”» (с.83), *гибриды*,

рождающиеся в системе взаимоотношений, *акторы* (с.84). Латур обращается к понятию объекта как способного *возражать*. В главе, к сожалению, не сказано, что это *изначальное* представление об объекте было развито Ансельмом Кентерберийским в «Прослогионе». Более того, фантастическое открытие Латура заключается в том, что он считает обычной реальностью обмен свойствами между людьми и вещами, которые «постоянно рекрутируют» друг друга «в свои дела и переделывают их не только для того, чтобы воплотить в них свои замыслы или социальные отношения, но также, чтобы создать новые вещи как завершение новых сетей» (с.97). «Вещи, замечает Латур (следуя в этом за Августином. – С.Н.), сегодня *незаслуженно* обвиняются в том, что они – просто “вещи”». На его взгляд, - для обществоведов и философов вопрос времени: забыть о том, что их разделяет, и объединиться в совместном исследовании “вещей”, которые по природе являются гибридами (с.98).

В основе главы Н.М.Смирновой – рассмотрение когнитивных оснований возрождения трансцендентализма. Большая часть главы посвящена феноменологии Э.Гуссерля и его учению «о Логосе бытия – априорных формах всех идеальных предметностей как центров мировых отношений», каковыми являются «понятия мира, природы, пространства, времени, живых существ, человека, души... всего того, что мы сегодня называем *универсалиями культуры*». Как пишет Н.М.Смирнова, «феноменологический трансцендентализм – это своего рода рефлексивный критицизм, эксплицирующий предпосылки любой познавательной деятельности, включая научную» (с.137). Общая интенция главы - в доказательстве того, что «распространение философско-методологической рефлексии на область социальных наук способствует теоретическому осознанию укорененности научного мышления в пра- и дологических структурах человеческих жизненных миров» (с.144).

А.Н.Павленко посвятил главу «Коммуникативная доктрина морали и права: признание до обоснования» критике коммуникативного подхода, высказанного Ю.Хабермасом. Считаю, что два термина ныне претендует на звание «несущих балок нового мифопоэтического здания» - глобализация и коммуникация, он сосредоточил внимание на последнем термине и на его расширениях в виде коммуникативной программы (КП) и коммуникативного сообщества (КС). На его взгляд, однако, «само по себе общение... ничего не прибавляет к тому, что уже содержит индивид» (с. 155). Эта мысль, однако нуждается не столько в утверждении, сколько в доказательности, ибо, скажем, пока столь же утвердительно. Можно сказать прямо противоположное: на основе диалогического обсуждения между собеседующими рождается совершенно новая вещь. Если же, продолжает А.Н.Павленко, «мы понимаем КС в *несобирательном смысле*, то оно само... не в состоянии выработать никакие моральные нормы» (с.156). Основанием коммуникативной этики является общество людей. С точки зрения А.Н.Павленко, «*антропоцентризм* и его разновидность *социоцентризм*... существенно сужают область поиска моральных и правовых оснований» (с. 158).

Н.А. Касавина всеобщие характеристики мышления неклассического типа видит в индивидуальном и ситуативном восприятии реальности человеком. А.З.Черняк обращает внимание на разные варианты интерпретации отношения субъекта и действительности (двумерная семантика), где центральным понятием является понятие смысла, не поддающееся расшифровке средствами двумерной семантики.

Проблема «Я»: философские традиции и современность / Колл. моногр. под ред. В.Н.Поруса. М.: Альфа-М, 2012. – 352 с.

Это еще одна книга из серии «Библиотека журнала “Эпистемология & философия науки”». В ее основе – доклады, прочитанные на международной конференции «Проблема Я: философские традиции и современность» (Москва, октябрь

2011 г.), проведенной лабораторией философских исследований НИУ ВШЭ совместно с департаментом Университета г.Кана (Франция). Из 20 авторов две трети (С.В.Данько, А.Л.Доброхотов, В.В.Долгоруков, Е.Г.Драгалина-Черная, В.П.Зинченко, И.В.Макарова, Л.Б.Макеева, А.В.Михайловский, С.О.Мухамеджанов, В.А.Петровский, А.А.Плешков, Н.Е.Покровский, В.Н.Порус и Т.М.Рябушкина) – сотрудники и аспиранты Высшей школы экономики, шестеро – из других академических институтов и университетов России, Украины и Франции (Университет Кана представлен работами Л. Лорана, А.Деварье и Ж.Лорана, Институт педагогического образования РАО, СПб Е.В.Дворецкой, Харьковский национальный университет им. В.Н.Каразина В.А.Суковатой и Институт философии РАН С.С.Неретиной).

Как написано в аннотации, «проблема “Я” – общее наименование обширного комплекса проблем, связанных с определением и самоопределением человека как действующего, мыслящего и чувствующего индивида, чье бытие неизменно связано с социально-культурным контекстом в его исторической длительности». Как пишет В.Н.Порус, актуальность этой проблемы вызвана не только новейшими научными исследованиями в области антропологии, социологии, нейрофизиологии, психологии личности, культурологи и т.д., но и тем, что в условиях кризиса она представляет собой «проблему защиты от разрушения одной из основополагающей ценностей, вокруг которой концентрируются практически все основные коллизии и конфликты вместе с попытками их разрешения» (с.7). На взгляд В.Н.Поруса, авторы монографии, осуществляя историко-философскую реконструкцию разных представлений о субъекте, эксплицируют логическое, социологическое, онтологическое и культурологическое «измерения» проблемы, на основе которых можно создать «многомерную» (синтетическую) модель для конструирования «онтологии Я» (с.9).

В книге два раздела: «Традиции» и «Современность». В первом разделе помещены главы, посвященные статусу субъективности у Левинаса (Ж.Лоран), проблеме самопознания в диалоге Платона «Алкивиад I» (И.В.Макарова), эгоизму и альтруизму Огюста Конта (Л.Клозад), эгологии в философии М.Анри и Мена де Бирана (А.Деварье), проблеме Я у Вл.Соловьева (А.Л.Доброхотов), истокам саморефлексии в романтической утопии Генри Моро (Н.Е.Покровский).

Во второй части В.П.Зинченко пишет о языковых играх, В.А.Петровский о возможности существования Я, В.В.Долгоруков о прагматике, теории игр и нейроэкономике Деннета, Е.Г.Драгалина-Черная об экзистенциальных конструкциях первого лица, Т.М.Рябушкина о лабиринте идентичностей как современном варианте лабиринта Юма. О говорящем субъекте пишет С.О.Мухамеджанов, о лингвистическом опровержении реализма я – Л.Б.Макеева, о моральной и юридической ответственности многоликой личности – Е.В.Дворецкая, о метаэтическом смысле проблемы соотношения Я и смысла жизни – С.В.Данько, об уродстве, инвалидности и телесных нормах в сознании культуры – В.А.Суковатая.

Статьи насыщены теоретическими размышлениями и культурологическим материалом. Возникают, однако, вопросы о структуре сборника. Статьи С.С.Неретиной о сопряженности личных местоимений как проблеме изначального человеческого двуречия и А.В.Михайловского об онтологической герменевтике В.В.Бибихина, проводившего онтологическую дифференцию между своим и своим, явно надлежало бы поместить во второй части, а статью о Юме – в первую. Впрочем, дело – в *названии* частей, ибо все статьи рождены требованиями современности, их нельзя разбить по рубрикам только «традиции» и только «современности».

Эволюционная эпистемология. Антология / Научн. ред., сост., вступ. ст. Е.Н.Князевой. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. – 704 с., ил. («Humanitas»)

В антологию включены работы основателей эволюционной эпистемологии – К.Лоренца, К.Поппера, Д.Кэмпбелла, Р.Ридля, Г.Фолльмера, Э.Эзера, Ф.Вукетича.

Во вступительной статье раскрывается содержание этого направления эпистемологии, связанное с натуралистическим поворотом. «Речь идет о влиянии биологической теории эволюции на философию», - пишет Е.Н.Князева, определяющая предмет эволюционной эпистемологии следующим образом: «Эволюционная эпистемология исследует когнитивный аппарат человека и его эволюционное происхождение. Познавательные... способности человека рассматриваются в ней как результат эволюции, и из этого положения выводятся теоретико-познавательные следствия» (с.7), «это не система знания, не сформировавшаяся наука, а, скорее, направление исследований, исследовательская программа» (с.8). Это направление, которое на Западе связывают с отношением *body-mind*.

Глобальный процесс эволюции охватывает и космическую эволюцию, и эволюцию. Преджизни и первых форм жизни, и эволюцию жизни вплоть до развития человека и культуры. Как пишет автор статьи, универсум – это самоорганизующаяся система, а мозг человека – самореферентная система, повторяющая развитие универсума и материально и функционально. Потому «когнитивные способности человека определяются не только работой его мозга, но и функционированием всего его тела, что изучается в рамках нового телесно-ориентированного подхода в эпистемологии» (с.10). При этом эволюционное мышление нелинейно, холистично и интегративно. В отличие от традиционной теории познания эволюционная эпистемология опирается на результаты конкретных наук и междисциплинарные исследования.

В антологии представлены две программы исследований: 1. исследования когнитивных механизмов животных и человека, при которых биологические теории распространяются на структуры живых систем, являющихся биологическими субстратами познания (мозг, нервная система, органы чувств); 2. объяснение человеческой культуры в терминах эволюции. С этим, добавим, связана идея «третьего мира» К.Поппера. По мысли Е.Н.Князевой, эволюционная эпистемология представляет собой «коперниканский переворот в теории познания» (с.27). При этом выставляются аргументы в защиту когерентности истины.

Антология делится на 5 разделов. В первый включены работы основателей эволюционной эпистемологии – К.Лоренца (2 работы), К.Поппера (2 работы), Д.Кэмпбелла. Во втором разделе – труды основных ее представителей – Р. Ридля, Г.Фолльмера (4 работы), Э.Эзера, две работы Ф.М.Вукетича (первая почему-то с одним инициалом, вторая с двумя). Третий раздел посвящен теории геннокультурной коэволюции и представлен работами Ч.Ламсдена и А.Гушурста, Д.Смайлли (его работа предварена статьей И.А.Бесковой, посвященной проблеме языка и культурной трансляции Д.Смайлли), Е.Н.Шульги. Четвертый раздел посвящен вызовам нейробиологии с трудами Дж.Эдельмана (их предваряет статья И.А.Бесковой) и Г.Рота. Эволюционная эпистемология в России (пятый раздел) представлена наследием И.П.Меркулова, статьями А.В.Кезина, И.А.Бесковой, И.А.Герасимовой и Е.Н.Князевой. Фнтология сопровождается именованным указателем, составленным Е.Н.Балашовой. Переводы выполнены известными специалистами, такими, как Д.Г.Лахути, Н.М.Смирнова, Е.Н.Князева и др.

Эта фундаментальная книга адресована специалистам-эпистемологам и философам науки.

Эволюционная эпистемология: современные дискуссии и тенденции / Отв. ред. Е.Н.Князева. М.: ИФ РАН, 2012. – 236 с.

Эта книга вышла одновременно с антологией и в определенном смысле её можно рассматривать как шестой раздел антологии. Помимо уже упомянутых российских авторов к их числу нужно добавить С.А.Филипенка, А.А.Горелова и С.В.Дрогунова, М.А.Солоненко, А.С.Майданова, А.Ю.Алексеева. В 11 статьях раскрываются разные темы и проблемы. Е.Н.Князева разворачивает версию Альтенбергского кружка. Развитие натуралистического подхода в эпистемологии, этике и эстетике стимулируется современными предпочтениями трансдисциплинарных и кросс-дисциплинарных исследований. Один из нынешних трендов – соединение эволюционной эпистемологии и когнитивной биологии. И.А.Бескова рассматривает эволюционную эпистемологию как сферу возрастающей сложности. Н.М.Смирнова раскрывает контекст современных дискуссий по этому предмету, одним из векторов которого является интерактивное обучение, связанное с такими статусами, как нормативизм, верификация, ментальные репрезентации, монизм, релятивизм и интенциональность. В статье А.А.Ивина раскрываются универсальные принципы научного познания, основанных на ценностях реализма и эмпиризма, теоретичности, объективности, совместимости, критичности, открытости и воспроизводимости.

В книге рассматриваются также проблемы истины (А.А.Горелов, С.В.Дрогунов), метафизических границ эволюционной эпистемологии (Е.Н.Шульга), автопоэзис творческого сознания (Ю.С.Моркина), личностного знания в концепции Ж.Пиаже (С.А.Филипенко), восприятия времени (М.А.Солоненко), космогонического мышления в индийских ведах (Майданов А.С.), построения искусственного интеллекта (А.Ю.Алексеев). Набор необычайно разнообразных тем приводит к мысли о необходимости более четкого выявления предмета эволюционной эпистемологии. И хотя Е.Н.Князева изначально заявила, что «это не система знания, не сформировавшаяся наука, а, скорее, направление исследований, исследовательская программа», все же разброс тем и проблем, которые реально можно отнести и к истории философии, и к теории познания, таков, что они не укладываются в рамки одной программы.

Поль Рикёр в Москве / Науч. ред. проекта доктор философских наук И.С.Вдовина. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2013. – 488 с.

Книга посвящена 100-летию со дня рождения, как написано в аннотации, «классика современной философии Поля Рикёра (1913 – 2005)». Для меня лично этот человек сыграл огромную роль: прочтя некоторые из его работ, прежде всего, «Я сам как Другой», где он ввел понятие «человека способного», и работы испытавших его влияние французских философов, касающиеся понятия субъекта, дополнения к субъекту, разнообразных способов выражения спекулятивных идей, я заинтересовалась его биографией, и меня буквально сразило даже не «несправедливое осуждение и физическое насилие со стороны студентов» Красного мая 1968 г. (с.19), а именно способ этого насилия: ему надели на голову корзинку из-под мусора. Я перенесла это унижение как собственное, поняла его непомерное усилие как-то после этого жить, преподавание в университетах вдали от Франции и пр. и пр. Я и до сих пор нахожусь во власти величия этого человека, сумевшего вынести гвозди распятия. И мне тем более радостно, что некоторые мои мысли «вдруг» стали работать в унисон с его, например, представления о тропологии или о третьем члене высказывания «*cogito ergo sum*» Декарта - «*ergo Deus est*». Его доклад на Международной конференции «Наследие

Декарта: спор о парадигмах философствования», посвященной 400-летию со дня рождения Рене Декарта (ИФРАН, апрель 1996 г.), о кризисе COGITO опубликован в этой книге.

Книга состоит из шести частей. Первую составляют как бы две вводные статьи: И.С.Вдовиной, посвященной «вехам творческой биографии», и размышлений самого Рикёра о том, что его «занимает последние 30 лет». Вторая часть – лекции Рикёра в ИФРАН и его дискуссии и беседы с российскими исследователями. Третья – доклад о кризисе COGITO. Четвертая часть – разлом книги: речь в ней идет уже о самом Поле Рикёре. В ней помещены материалы теоретической конференции «Поле Рикёр – философ диалога», посвященной его памяти (ИФРАН, 31 мая 2006 г.). В этой части помещены статьи М.Касийо о понятии этики и морали у Рикёра, И.С.Вдовиной о его герменевтическом подходе Рикёра к истории философии, И.И.Блауберг о памяти и забвении, где сравниваются позиции Рикёра и А.Бергсона, Е.В.Петровской о нарратологии Рикёра, Н.В.Мотрошиловой об апориях временного опыта, Е.Н.Шульги о современных проблемах в связи с герменевтикой Рикёра и А.В.Павлова о понятии справедливости в философии права. Пятая часть представляет материалы Международной конференции по исследованию трудов Поля Рикёра, где рассматриваются перспективы герменевтики в социальных науках и практической философии (статьи А.В.Борисенкова, И.С.Вдовиной, А.Ф.Филиппова, Д.Пеллауэра). Среди авторов также Ж.Мишель («Смысл институтов»), С.Н.Зенкин («Социальное действие и его смысл: историческая герменевтика Поля Рикёра»), О.Абель («Вовлечение: “близкий” и “социус”»), А.Ромеле («Экономика и признание: позиция Рикёра»), Г.Марсело («От конфликта к примирению и обратно: некоторые рассуждения о диалектике Рикёра»), В.В.Старовойтов («Проблема Я, личности, самости в творчестве Поля Рикёра и в современных психологических и психоаналитических исследованиях») и О.И.Мочульская («Проблема адекватности перевода в концепции Поля Рикёра»). В шестой части господствует сам Рикёр со своими статьями: «Габриэль Марсель и феноменология», «Воображение в дискурсе и в действии», «Сопровождать жизнь до конца».

Свою философскую позицию Рикёр обозначает как рефлексивную философию, находящуюся в зависимости от феноменологии Гуссерля и разрабатывающую ее герменевтический вариант. Рикёра занимает повествовательная функция философии с тремя задачами: 1. «сохранение амплитуды, разнообразия и несводимости друг к другу *форм употребления языка*», что определяет его близость «тем из аналитических философов, кто выступает против редуционизма»; 2. «*выявление сходства* различных форм и способов повествования»; 3. «испытание способности самого языка к отбору и организации, когда он выстраивается в дискурсивные единства, более длинные, чем фразы, - можно назвать их *текстами*», содержащими принцип «трансфразной организации» (с. 23, 24, 25).

Главную характеристику рассказо-образования Рикёр называет операцию структуризации, или образованием интриги, а потому всякий рассказ, во-первых, историчен, во-вторых, судьбоносен и в-третьих, через ужас и страдание вызывает у слушателя-читателя катарсис. При этом историческая реальность пересекается с ирреальностью вымысла, представляющего собой «лабораторию форм, где мы пробуем возможные конфигурации действия, чтобы испытать их основательность и осуществимость» (с.29).

В сентябре 1993 г. Рикёр прочитал в Институте философии РАН три лекции: «Герменевтика и метод социальных наук», «Повествовательная идентичность», «Мораль, этика и политика». Они переведены на русский язык и опубликованы в этой книге. Его анализ посвящен «проблеме взаимосвязи политического и этико-морального

измерений» (с.89). Анализ парадоксов в политике свидетельствует не только о противопоставленности власти, «основанной на желании жить вместе», недолговечности человека, но о непрочности самой политики в силу изменчивости «ее принципов (свободы, равенства, братства...) и ее языка (риторики борьбы за власть» (там же). Политическая философия имеет дело с «человеком способным», а эти способности могут быть развиты лишь в институционализированной среде, увенчанной сферой политики. Политическая власть является условием для рождения такого человека.

Книга рекомендуется философам.

Деррида Жак. Поля философии / Пер. с фр. Д.Ю.Кралечкина. М.: Академический проект, 2012. – 376 с.

В этой книге «мысль скрывается / порождается текстом – наивная наглядность этой навязчивой оппозиции таит двусмысленность иллюзии воплощенного в экране жеста, который демонстрирует, скрывая, и утаивает, раскрывая...» Где она скрывается, - спрашивает ЖДеррида и отвечает, - тут.

«Событие мысли схватывается событием мысли и выстраивает контекстуальные линии всех значимых прошлых (и будущих?) событий мысли. Какими ресурсами благодаря этому мы теперь располагаем и каких, возможно, лишились?» (с.5).

В книге – «образцы деконструкции классических философских произведений», в ней разворачиваются «рискованные практики проблематизации всей западноевропейской метафизической традиции, ставя под вопрос речь и письмо, язык и текст, дискурс и метафору, перформативность и истину...»

Проблемы политической философии: переводы, комментарии, полемика: коллективная монография / Под ред. В.П.Макаренко. Ростов-н/Дону: Изд-во Ростиздат, 2012. – 588 с.

«Книга посвящена анализу междисциплинарных проблем истории философской, социальной и политической мысли на фоне политико-философской рефлексии о трагическом опыте XX века». Помимо оригинальных статей В.П.Макаренко, Г.Р.Хайдаровой, В.В.Савчука, С.В.Моисеева и М.С.Константинова, в книге помещены переводы С.Андрески «Самое уязвимое место: понятие рациональности (пер. Макаренко), Д.Лукача «Хвостизм и диалектика» и «Тезисы Блюма» с предисловиями и в переводе С.Поцелуева, Э.Юнгера «Через линию» (пер. Г.Хайдаровой), К.Скиннера «Идея негативной свободы: философские и исторические перспективы» (пер. С.В.Моисеева) и Д.Лейси «Принцип непреднамеренности: “Логико-философский трактат” Л.Витгенштейна и политическая непреднамеренность» (пер. С.Поцелуева). Сам по себе перечень переводов создает представление о некоем массивном натиске, направленном на анализ политической философии. Несколько раздражающая редакционная неряшливость (в одном случае, например, фамилии сопровождают инициалы имени и отчества, в другом один из инициалов отсутствует) легко могла бы быть устранена при переиздании. (Несколько неряшливо составлена и библиография (отсутствуют весьма значимые книги и статьи. Так, например, статья В.Н.Поруса «Обжить катастрофу» помещена без упоминания статьи автора, с которым он полемизирует). Привлекательна в книге и попытка сопрячь общие проблемы появления и утрирования проблемы так называемой «русской самобытности» и местные проблемы (в данном случае – ростовской), в которых идеология соединилась «с механизмом делания карьеры» (с.9), что свидетельствует о чрезвычайной заинтересованности редактора в развитии и своеобразном очищении научной и философской деятельности.

Книга состоит из четырех разделов: первый посвящен переосмыслению идей М.Вебера, второй – зигзагам марксистской диалектики Лукача, третий – «фигуре Эрнста Юнгера» и четвертый – проблемам соотношения идеи свободы и государства.

В обеих статьях Макаренко из первого раздела проводится мысль о ложности веберовской теории легитимной власти без учета «*меры гражданского отчуждения индивидов от власти*» (с.19). Правда, приводимые примеры базируются на опыте революции, а не «нормальных» обществ, что снижает критический запал автора. В работе Андрески критикуется попытка Вебера «найти предпосылки... рациональности не только в эпохе, предшествующей промышленной революции, но и в донаучные времена. Без всяких оснований он приписал рациональность религиям народов, которые развили науку и изобрели машины» (с.105). Правда, последние слова способны опровергнуть заданный тезис. К тому же схоластическая философия последовательно проводит линию рациональности в религии, это характерно, скажем, для мистической теологии Экхарта. Порус критикует теорию Вебера с позиций анализа определенных форм «рациональной бюрократии», который он назвал пустышками. В статье Поруса, повторяющую формулу одной из его предыдущих статей «обжить катастрофу», удивляет сам этот повтор, ибо что значит «обжить» катастрофу – сделать ее жилой? (см. словарь).

В статье Макаренко из раздела о Лукаче обращает на себя внимание его желание «изучить творчество Лукача не для реанимации неомарксизма, а в контексте истории советского шпионажа – внутреннего (тип осведомителя НКВД, который использовал произведения классиков марксизма для приманки) и внешнего, в котором фигуры типа Лукача выполняли роль “ловца душ”» (с.322). Виктор Павлович остается верным себе: он не принимает искренней веры в марксистскую диалектику даже того, кто окончил жизнь со словами «*Вся жизнь насмарку!*»).

В третьем разделе – тщательно выписанная статья Г.Р.Хайдаровой о Юнгере, которая «как никогда близко подошла к тому конфликту, который мотивировал творчество Юнгера, а именно распря между устройством буржуазного мира, мира безопасности и комфорта как ценностей в себе, миром либерализма, демократии, публичности и между миром архаических форм и отношений, который отличается более жестким воспроизводством порядка, традиции. Во времена между мировыми войнами это противостояние выражалось в поиске реванша силы со стороны побежденной “добрыми европейцами” Германии. Сегодня же противостояние между Америкой (как метафорой западного мира) и мусульманским миром столь же катастрофично... Поэтому философский опыт Юнгера по-прежнему актуален» (с.399).

Статья М.К.Константинова (четвертый раздел) посвящена аналитическому анархизму, проблемам его определения и демаркации. Исследование работ Ясаи, Бёттке, Картера, Хоппе и др., приводит автора к выводу о проблематичности примирения «на базе анархистской идеологии сторонников либертарианской идеи радикальной свободы» с идеями равенства: эта свобода может быть реализована «только в условиях “чистого”, ничем не ограниченного капитализма» (с.575).

Книга адресована ученым, вузовским преподавателям, аспирантам и студентам, которые «специализируются в области философии, социологии и политической науки».

Идеология и процессы социальной модернизации / Сб. статей / Под общей ред. Т.Б.Любимовой. М.: Academia, 2013. – 376 с.

В сборнике 12 статей сотрудников Института философии РАН, две статьи Б.Н.Чичерина с предисловиями к ним С.Л.Чижкова (обе его статьи посвящены идеологии русского либерализма Чичерина), перевод с французского, осуществленный Т.Б.Любимовой, главы («Критика критического опыта») из книги Ж.П.Сартра

«Критика диалектического разума» с предисловием Любимовой. Уже одно это делает книгу необходимой для читателя. Сборник сопровождается аннотациями статей на русском и английском языках, библиографией (хотя и неполной) книг и статей, посвященных озаглавленной проблеме, сведениями об авторах.

Поскольку идеология действительно «пронизывает все стороны жизни» в нашей стране, то анализ ее процессов представляет особый интерес. Во Введении (А.В.Рубцов, Т.Б.Любимова) сообщается, что «история самого понятия идеологии достаточно недавняя» и «в традиционном обществе» она выступает «в форме религии. При этом сама религиозная идеология, т.е. теология и мифология, обладает высокой степенью интеграции, обеспечивая такую же степень интеграции социума» (с.7). Последние слова, по-видимому, свидетельствуют о том, что социум готов взять на себя функции идеологии при ослаблении роли религии и делает это с помощью философии. «Эскиз исследования идеологии» набросал Ф.Бэкон, написавший об «идолах разума, и лишь в конце XVIII в. понятие идеологии ввел французский философ А.Д. де Траси, понимая под идеологией «науку об идеях», «метатеорию общественных наук», «руководство для практической государственной деятельности», представляя проект, выдвинутый Просвещением (с.7). выделим несколько цитат из книги, характеризующих понимание идеологии.

А.В.Рубцов («Иллюзии деидеологизации»): в СССР «идейно-воспитательный процесс сплошь и рядом был важнее практического результата той или иной деятельности. “Причем тут борщ, когда такие дела на кухне!?”... Государственные институты оказались поражены политической анемией и превратились в заведомо несамостоятельные, *управляемые протезы*» (с.13). Постсоветский период характеризуется рядом иллюзий: 1.«*Мы отменили старую идеологию*» (с.15); 2.«*идеология это ложное сознание, которое отменить можно*». Идеология характеризуется как «*Вера в упаковке Знания с акцентом на Знании, но в реалиях Веры*» (с.16); 3.«*идеология – это вредное сознание, которое отменить нужно*» (с.19).

Что рождает деидеологизация? «Напряжение между поколениями», резкое снижение «электоральной поддержки реформ», которую обеспечивали «носители *благоустроенного недовольства*» (с.21). Поскольку «цепочка факторов», снижающих идеологическое противостояние (экономические, социальные, политические), сохраняется, то «не исключено, что... мы можем стать свидетелями, если не участниками очередного фундаментального конфликта с выходом на трудно предсказуемые социально-политические последствия» (с.25). в конце автор делится «опытами реабилитации идеологии».

Он же («Модернизация в России и проблема переоценки ценностей»): подчеркивается необходимость «реализовать принципы верховенства права и диктатуры закона в полном объеме и без каких-либо индивидуальных исключений» (с.108).

Т.Б.Любимова («Идеология как информационный инструмент власти»): «В настоящее время на смену “идеолога”... зачастую невидимого кабинетного работника, приходит шоумен. Именно он основной “работник” в идеологической обработке населения модернизирующихся обществ... модернизирующееся общество такое, в котором ситуации социального взаимодействия *проектируются*, по крайней мере, потенциально» (с.36). Однако на уровне идеологии «всегда происходит нечто, не предусмотренное в проекте. Гегель это называл хитростью мирового разума» (с.37).

Она же («История как идеология»): «Русская история – это непрерывное идеологическое производство... Идея этносов как организмов, которым суждено рождение, молодость, зрелость и умирание (особенно красочно нарисованная Л.Гумилевым), по видимости столь привлекательная... на деле есть лежащий на

поверхности пример идеологического “внушения”... Православие есть идеологическая система средневековья, и оно стремится воспроизводить не только в самом себе... но и в культуре... и в социуме присущий ему средневековый стиль жизни и мышления. Возможно, что этот стиль мышления был когда-то достаточно утонченным. Очевидно, однако, что социальная структура современного общества никак не соответствует этой идеологии, подобно тому, как не соответствуют представления той эпохи современной картине Вселенной... Эти ложные отождествления (для России – будто она есть наследница Византии) суть не что иное, как навязывание под предлогом видимости “естественной преемственности”, совершенно не органичных для данной культуры форм, для России это навязывание чужой истории и чужих богов... момент насильственного принятия христианства есть факт... сжатия русской истории и культуры и, несомненно, является информационным оружием в непрекращающейся идеологической войне... истребление волхвов есть только один штрих по разрушению всей древней русской культуры... Дело доходит до того, что русская культура отождествляется с христианской, православной, будто бы до этого не было тысячелетий самобытного ее развития». В статье приводятся данные о единстве дохристианской культуры и индоевропейской со скрытой единой же Духовной Традицией.

В.И.Самохвалова («Глобальные проекты: утопии, антиутопии, альтернативы») полагает, что «организовать долгосрочную перспективу деятельности, а не краткосрочный рывок за быстрорастворимым близким результатом можно только на основе возвращения аутентичного смысла слову “идеология”... решение такой проблемы означает необходимость формирования новой элиты» (с. 61).

Она же («Специфика современной информационной войны»): «Вопреки расхожим представлениям о том, будто идеологии теряют свое былое значение в условиях современного общества, реально ситуация оказывается иной, ибо, во-первых, многие понятия, претендующие на научность, на самом деле являются идеологическими: таков, в частности, и сам термин “демократия”. Во-вторых, рост технической и информационной вооруженности [массового] общества делает проблему *идеологии* как никогда актуальной» (с.219).

Обе статьи И.И.Стрекаловской посвящена истории: русских масонов и февральской революции, в одном случае, и трагедии русской эмиграции, в другом.

В работе И.Ф.Щербатовой «Вне личной ответственности» на основе анализа триады С.С.Уварова (православие, самодержавие, народность) делается вывод о том, что «в итоге получался такой православно-умилительный лубок, призванный показать, что религиозный и преданный царю народ – это и есть основа стабильности России, то, с чем она пойдет в будущее» (с.151). Заметим кстати, что это призвание продолжается и до сих пор.

Книга предназначена «специалистам и широкому кругу читателей».

Обзор подготовила
С.С.Неретина

Лукаевич Я. О принципе противоречия у Аристотеля. / пер. с польского Б.Т. Домбровского. Общая редакция, вступительная статья и примечания проф. А.С. Карпенко. Центр гуманитарных инициатив Москва – Санкт-Петербург, 2012. – 256 с.

Книга выдающегося польского логика и философа Яна Лукаевича (1878-1956), опубликованная в 1910 г., уже к концу XX века привлекла к себе настолько большое

внимание, что ее начали переводить на многие европейские языки. Теперь пришла очередь и русского издания. В этой книге впервые в мире подвергнут обстоятельной критике принцип противоречия, защищаемый Аристотелем в «Метафизике». В данное издание включены четыре статьи Лукасевича и среди них новый перевод знаменитой статьи «О детерминизме». Книга также снабжена биографией Яна Лукасевича и вступительной статьей, показывающей мучительную внутреннюю борьбу Лукасевича в связи с предлагаемой им революцией в логике.

Мотрошилова Н.В. Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт: бытие – время – любовь. – М.: Академический проект; Гаудеамус, 2013. – 526 с. + 16 п. вкл. – (Философские технологии).

Книга сочетает в себе рассказ о личностных чертах, жизненных путях, нелегких судьбах двух выдающихся мыслителей XX века – Мартина Хайдеггера (1889-1976) Ханны Арендт (1906-1975) и анализ трудного рождения, развития и существенного преобразования их идей и концепций.

В центре первых частей книги – судьбоносная встреча 36-летнего профессора университета в Марбурге М. Хайдеггера и его 19-летней студентки Х. Арендт, их краткий роман и расставание. И все это вплетено в повествование о преднацистском, нацистском и военном периодах трагической истории Германии и всего мира. Исследуется внутренний контекст развития немецкой философии в то драматическое время. Произведения раннего Хайдеггера – прежде всего «Бытие и время» – рассматриваются и расшифровываются в свете воздействий исторического времени и внутренних преобразований философии.

Вторая часть книги повествует о послевоенном личностном и философском общении М. Хайдеггера, прошедшего через наказания за его нацистские увлечения и вновь обретшего статус выдающегося мыслителя, и Х. Арендт, изгнанной нацистами из Европы в США и выросшей там в виднейшего социального философа. Показано как Х. Арендт в своих работах создавала – параллельно концепции бытия М. Хайдеггера и в явной, а чаще замаскированной полемике с ней – свою теорию социально-политического бытия. И снова в анализ идей и концепций вплетен личностный рассказ о жизни, о неумолкнувшей и звучавшей также и в «осенний» период жизни мыслителей мелодии Любви.

Основой исследования являются многие источники, документы, появившиеся в XXI веке, – переписка, мемуары, биографии, но прежде всего – главные теоретические работы двух мыслителей. Необычное сочетание анализа личностного и философского аспектов взаимоотношений двух мыслителей позволяет автору более глубоко и полно раскрыть базовые идеи и позиции героев книги.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

Иоганн Вольфганг Гёте и его учение о цвете (Часть первая) / С.В Месяц. – М.: Кругъ, 2012. – xxxii + 464 с., с илл.

Иоганн Вольфганг Гёте, великий немецкий поэт, мыслитель и естествоиспытатель посвятил изучению цветовых явлений более 40 лет своей жизни (1791-1832). Центральной и самой значительной из его работ, затрагивающих проблемы цвета, является трактат *К учению о цвете*, состоящий из трех частей: «Дидактической» (1), где Гёте излагает свои собственные представления о цветовых явлениях; «Полемиической» (2), в которой он опровергает теорию цвета Исаака Ньютона; и «Исторической» (3), в которой собраны материалы, освещающие историю науки о цвете от античности до конца XVIII в. В настоящем издании впервые публикуется полный русский перевод первой части трактата, называемой также *Наброском учения о цвете*. Книга знакомит

читателя с оригинальной цветовой теорией Гёте, а также с более гармоничным и целостным подходом к изучению природы, позволяющим связать науку о цвете с философией, математикой, физикой и живописью. Издание представляет интерес для историков науки, художников, психологов, философов и всех интересующихся теорией цвета и цветавосприятия.